
СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Н.А. Семенова

Кафедра русского языка № 4
Факультет русского языка и общеобразовательных дисциплин
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 119607

В статье исследуются способы трансформации фразеологических единиц в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Анализируются функции трансформированных фразеологических единиц в тексте романа.

Ключевые слова: фразеологическая единица, художественный текст, трансформация, способы трансформации, функции.

Язык писателя имеет в своей основе литературный язык и является его индивидуальной разновидностью. Если для характеристики фразеологического корпуса общенародного языка важно максимальное и полное описание фразеологических единиц (ФЕ), то для характеристики фразеологизмов в художественном тексте (ХТ) наиболее существенно изучение вопроса о том, что из обширных богатств фразеологии отбирает писатель и как он использует этот материал. Своеобразие индивидуально-авторского использования писателем фразеологизмов как одного из важнейших художественно-образительных средств заключается уже в самом отборе ФЕ их общенародного фразеологического фонда, в их большей или меньшей модификации, а также в своеобразном вводе ФЕ в контекст. Поэтому основной задачей характеристики ФЕ в художественном произведении является изучение фразеологического новаторства писателя, языковое творчество которого проявляется в умении уточнить, конкретизировать семантику фразеологического оборота, определить его потенциальные, скрытые возможности.

Несмотря на большую экспрессивность, отличающую фразеологические обороты от других средств языка, их частое употребление стирает образную выразительность оборота, и писатель, проявляя фразеологическое новаторство, с помощью языковых приемов пытается оживить и обновить фразеологизм. При этом происходит нарушение традиции в употреблении устойчивого сочетания, фразеологический оборот подвергается различным трансформациям. При этом преобразование фразеологических оборотов связано с творческими задачами автора, реализацией авторского замысла.

Анализ преобразованных ФЕ должен учитывать общезыковые и речевые явления. Выделяются два качественно разных типа трансформации: внутрисистемная и индивидуально-авторская. Отличить первый ряд изменений от второго возможно лишь с учетом языковой нормы, отраженной в толковых и фразеологических словарях. Изменения, носящие индивидуально-авторский характер, выходят за пределы существующих языковых норм и не имеют отношения к языковым

вариантам. Преобразования же совершенные в пределах языковой нормы, являются фразеологическими вариантами и относятся к внутрисистемным или общеязыковым.

Анализ трансформированных фразеологических единиц (далее ТФЕ) в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» показал, что видоизменения фразеологических оборотов могут быть объединены в два типа трансформационных изменений: индивидуально-авторские и внутрисистемные преобразования.

Наибольший интерес представляют индивидуально-авторские изменения ФЕ, так как именно они позволяют судить об особенностях творческой манеры писателя. Они представляют особый интерес, поскольку самобытны и индивидуальны по своей сути. Нами будут рассмотрены также и внутрисистемные трансформации, поскольку и они имеют художественную ценность.

При анализе преобразованных ФЕ стилистический критерий значимости трансформированного оборота выдвигается на первый план. Это означает, что при описании трансформированных ФЕ важным является частота использования тех или иных приемов, семантическая насыщенность и смысловая емкость модифицированных фразеологизмов, их связь с идейно-художественным замыслом произведения. В качестве рабочей классификации приемов трансформаций ФЕ, свойственных как речи персонажей, так и авторской речи, мы предлагаем следующую:

- приемы индивидуально-авторских трансформаций фразеологизмов:
 - расширение и сокращение лексического состава ФЕ,
 - замена компонента фразеологизма,
 - изменение грамматической структуры фразеологизма,
 - контаминация фразеологизма,
 - изменение семантики фразеологизма,
 - буквализация значения фразеологизма,
 - фразеологизмы, образованные по общепринятым моделям;
- приемы внутрисистемных трансформаций фразеологизмов:
 - расширение и сокращение лексического состава ФЕ,
 - изменение грамматической структуры фразеологизма.

Многие из указанных приемов используются как при внутрисистемных изменениях, так и при индивидуально-авторских, но художественные функции преобразованных ФЕ и их роль в контексте не всегда одинаковы. Как показал анализ трансформированных оборотов романа, конкретные приемы трансформаций ФЕ используются различно при индивидуально-авторских и внутрисистемных изменениях оборотов. Индивидуально-авторские трансформации обладают широким спектром стилистических функций. Функции внутрисистемных преобразований ограничиваются незначительными семантическими изменениями. Они расширяют, углубляют или конкретизируют значение ФЕ. Внутрисистемные преобразования выполняют «технические» функции, внося разнообразие в речь автора и персонажей, позволяя избегать шаблонного употребления общеизвестных оборотов.

В данной статье будут рассматриваться такие способы индивидуально-авторских и внутрисистемных трансформаций ФЕ, как расширение и сокращение лексического состава ФЕ.

Прием расширения и сокращения лексического состава ФЕ часто используется в тексте романа. Обычно ФЕ распространяются за счет определений, включаемых в их состав, которые уточняют, конкретизируют семантику фразеологического оборота. В приведенных ниже примерах содержатся оригинальные авторские распространители, которые, однако, не вносят существенных изменений в семантику ФЕ. Определения делают значение оборота более насыщенным, конкретным, и если ФЕ свойственна характеризующая функция в данном контексте, то характеристика становится более детальной, подчеркивающей черты того или иного персонажа, например:

У них не человечество, разившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится, наконец, в нормальное общество, а, напротив, социальная система, *выйдя из какой-нибудь математической головы*, тотчас же и устроит все человечество... [2. С. 278].

Раскольников не вытерпел и злобно *сверкнул на него загоревшимися гневом черными своими глазами* [2. С. 274].

Ну как подумают, что я выбрился для... да непременно же подумают! Да *ни за что же на свете* [2. С. 235].

В последнем примере автором в состав ФЕ введена частица «же», которая усиливает значение нормативного оборота *ни за что на свете*, передает эмоциональное состояние Разумихина, пребывающего в волнении перед встречей с Авдотьей Романовной, который убеждает сам себя в том, что ни при каких обстоятельствах окружающие не должны подумать, что побрился он из-за нее. Таким образом, распространенный вариант ФЕ приобретает еще более разговорный оттенок.

Она вся оседает всем задом, но вспрыгивает и дергает, дергает *из всех последних сил* в разные стороны, чтобы вывезти... [2. С. 92].

Я замечала в жизни не раз, что тещи не очень-то бывают мужьям по сердцу, а я не только не хочу быть хоть кому-нибудь даже *в малейшую тягость*, но и сама хочу быть вполне свободною, покамест у меня хоть какой-нибудь свой кусок да дети, как ты и Дунечка [2. С. 73].

До последнего волоска у вас в квартире было осмотрено, *по первым даже следам*, но *umsonst* (напрасно)! [2. С. 429].

С новым, странным, почти болезненным, чувством всматривался он в это бледное, худое и неправильное угловатое личико, в эти кроткие голубые *глаза, могущие сверкать таким огнем*... [2. С. 344].

Это хоть и случается, в особенности, когда человека *из последнего терпения выведешь*, но, во всяком случае, редко [2. С. 463].

Дверь отворялась медленно и тихо, и вдруг *показалась фигура — вчерашнего человека из-под земли* [2. С. 375].

Здесь мы можем наблюдать не только расширение компонентного состава ФЕ, но и замену компонента «выросла» на другой компонент «показалась».

«Был же болен некто Лазарь, из Вифании...» — произнесла она, наконец, с усилием, но вдруг, с третьего слова, голос зазвенел и порвался, *как слитком натянутая струна* [2. С. 346].

Он перевертел все, *до последней нитки и лоскутка*, и, не доверяя себе, повторил осмотр раза три [2. С. 121].

Порфирий Петрович *перевел на минутку дух* [2. С. 357].

Улыбку эту Петр Петрович заметил и про себя тотчас же *поставил ее молодому своему другу на счет*. Он уже много успел *поставить ему в последнее время на счет* [2. С. 378].

Андрей Семенович, у которого никогда почти не бывало денег, ходил по комнате и *делал сам себе вид*, что смотрит на все эти пачки равнодушно и даже с пренебрежением [2. С. 383].

Завтра же опять все на вас обрушится *до последнего куска хлеба*; это уже нелепо [2. С. 392].

В данном случае в состав ФЕ *до последнего* не случайно введен дополнительный компонент *куска хлеба*, тем самым автор, вероятно, хотел подчеркнуть, насколько Катерина Ивановна и ее дети зависят от Сони. Это понимал и Петр Петрович Лужин, предлагая ей помощь после смерти Мармеладова.

Основой данного вида новаторства является возможность нарушения непроницаемости фразеологического оборота, благодаря разнооформленности его компонентов и употреблению ФЕ в тексте. В качестве дополнительных компонентов, подчеркивающих, ослабляющих или конкретизирующих смысл ФЕ, могут выступать различные части речи — прилагательные, местоимения, числительные, причастия, существительные с предлогом и без, наречия, частицы. Благодаря преобразованным таким образом оборотам, создается иллюзия разговорности, «языковые» ФЕ оживают, становясь «разговорными» в руках автора. Поэтому трансформированные ФЕ путем расширения их состава встречаются в основном в диалогической речи персонажей романа.

Лексический состав фразеологического оборота может не только пополняться, но и сокращаться. В.Л. Архангельский считал, что сокращение фразем и устойчивых фраз опирается на явление антиципации, когда по фрагменту лексического состава ФЕ предвосхищается значение целого [1. С. 75—96].

«Эллипсис — это опущение членов легко подразумеваемых на основании состава и содержания фразы в целом, а также опущение таких членов, восстановление которых затруднено или вообще невозможно» [3. С. 67—69]. Окружение и ситуация помогают читателю восстановить в сознании отсутствующий компонент ФЕ, например:

Он до того был *сбит* и спутан, что, уже придя домой и бросившись на диван, с четверть часа сидел, только отдыхая, и стараясь хоть сколько-нибудь собраться с мыслями [2. С. 374].

Тоже наклепал один на себя убийство-с, да еще как наклепал-то: целую галлюцинацию подвел, факты представил, обстоятельства рассказал, спутал, *сбил* всех и каждого, а чего? [2. С. 364].

Это хитрость! Это они хотят заманить меня хитростью и вдруг *сбить* на всем», — продолжал он про себя, выходя на лестницу [2. С. 125].

«Однако ж вы... однако ж вас *не собьешь!* — проговорил он, смеясь откровеннейшим образом...» [2. С. 302].

Впрочем, смотрел так, как будто немного *сбился* и еще не нашелся» [2. С. 316].
На пустом бы и *сбил!*» [2. С. 292].

Чем хитрей человек, тем он меньше подозревает, что его на простом *собьют*.
Хитрейшего человека тленно на простейшем надо *сбивать* [2. С. 292].

В приведенных примерах сокращение оборота *сбить с толку* происходит за счет компонента *с толку*. Вероятно, чтобы не повторяться, Ф.М. Достоевский очень часто использует этот оборот в усеченном виде.

«Не нарочно же мне жениться для мебели!» — *скрежетал* про себя Петр Петрович... [2. С. 379].

И, *заскрежетав* еще раз, Петр Петрович тут же назвал себя дураком — про себя, разумеется [2. С. 379].

Веришь ли, что всю эту сцену драки и смеху на лестнице, со своим товарищем, когда те-то взбирались, дворник и два свидетеля, он нарочно устроил именно *для отводу* [2. С. 458].

В этом примере представлен сокращенный оборот *для отвода глаз*, что значит *отвлекать внимание кого-либо от чего-либо, вводить в заблуждение обманывать*.

«Если это вы мне... — начал он, заикаясь, — да что с вами? *В уме* ли вы? — Я-то *в уме-с*, а вот вы так... мошенник! [2. С. 415].

Фразеологический оборот *в своем уме*, означающий «быть в нормальном психическом состоянии», сокращен за счет компонента «своём».

Я уверена вполне, что он будет так благороден и деликатен, что сам пригласит меня и предложит мне не разлучаться более с дочерью, и если еще не говорил до сих пор, то, разумеется, потому что и *без слов* так предполагается; но я откажусь [2. С. 73].

Здесь представлена эллиптированная ФЕ *без лишних слов*, что значит «не говоря, не рассуждая много». За счет сокращения компонентного состава Достоевским создается эффект разговорности, быстроты речи. Этот прием особенно характерен для диалогической речи героев.

«*Об заклад*, что придешь!» — крикнул ему вдогонку Разумихин [2. С. 196].

Перед нами также пример высказывания из диалога Разумихина с Раскольниковым, в состав которого входит оборот *об заклад*, сокращенный за счет глагольного компонента *биться*. Семантика эллиптированного оборота не изменяется. ФЕ *биться об заклад* означает «спорить с обязательством, оплатить проигрыш».

Да ведь предположите только, что и я человек есмь et nihil humanum... одним словом, что и я способен прельститься и полюбить (что уж, конечно, не по нашему велению твориться), тогда все самым естественным образом объясняется [2. С. 302].

Ф.М. Достоевский в тексте романа использует заимствованный из комедии древнеримского писателя Теренция афоризм, звучащий по-латински полностью как: *homo sum, humani nihil a me alienum puto* («я человек, ничто человеческое мне

не чуждо»). В речи Свидригайлова этот афоризм употребляется в сокращенном виде: *я человек емь и ничто человеческое*. Такое сокращение афоризма рождает своеобразную интонацию, настраивает не на серьезный лад, а на скептическое, ироничное отношение ко всему высказыванию. Поэтому слова Свидригайлова воспринимаются как насмешка, он сам нарочно иронизирует по поводу своего высказывания, перефразируя, а затем и сокращая латинский афоризм, тем самым выражая не только свое пренебрежение к Раскольникову, но и вообще к нормам и устоям общества.

Видишь она как-то там лечилась купаньем; у них там ключ холодный есть, и она купалась в нем регулярно каждый день, и как только войта в воду, вдруг *с ней удар!* [2. С. 251].

В данном контексте употребляется сокращенный фразеологический оборот *удар хватил*, что значит «кто-либо внезапно разбит параличом».

«Здоров, здоров!» — весело крикнул навстречу входящий Зосимов. Он уже минут с десять как *пришел* и сидел во вчерашнем своем углу на диване [2. С. 245].

Очень интересный пример эллиптирования ФЕ *приходить в себя*, поскольку в данном контексте за счет сокращения фразеологизма совмещаются буквальное значение глагола «прийти» и фразеологическое значение оборота «выходить из обморочного состояния, из забытья». Читателю, не знающему предыдущего контекста, будет трудно понять, о чем идет речь: действительно ли Раскольников пришел к Зосимову или он *пришел в себя* после болезни.

Данный пример интересен тем, что вне контекста сокращенный вариант оборота *приходить в себя* вообще не распознаваем как ФЕ. Именно контекст помогает читателю понять истинный смысл, изложенного автором, а именно то, что речь идет о Раскольникове, который был болен, долгое время бредил, находясь в беспомощности, и, наконец, *пришел в себя*, т.е. вышел из забытья. Об этом с радостью и сообщил родственникам больного Раскольникова его лечащий врач Зосимов.

...Андрей же Семенович в свою очередь, с горечью подумывал, что ведь и в самом деле Петр Петрович, может быть, способен про него так думать, да еще и рад, пожалуй, случаю *пощекотать* и подразнить своего молодого друга разложенными пачками кредиток... [2. С. 383].

«А в котором часу вам приходится написано, *милостисдарь?*» — крикнул поручик [2. С. 133].

Таково обращение нетерпеливого, взрывного, «горячего», как его характеризует сам автор, поручика к Раскольникову, когда тот пришел в полицейский участок.

А что, стыда буржуазного, что ли испугались? Это может быть, что и испугались, да сами того не знаете, — потому *молодо!* [2. С. 477].

В данном контексте Порфирием Петровичем употребляется просторечная ФЕ *молодо-зелено* с опущенным компонентом *зелено*, что означает «неопытен, неискушен».

«Да не беспокойтесь же *о форме*, — перебил Порфирий с прежнею лукавою усмешкой и как бы даже с наслаждением, любуясь Раскольниковым, — я вас, батюшка, пригласил теперь по-домашнему, совершенно этак по-дружески!» [2. С. 437].

В этом примере употребляется оборот *по всей форме*, т.е. «как полагается, как должно быть» в сокращенном виде. В данном случае только благодаря контексту можно понять, о какой форме говорит Порфирий в разговоре с Раскольниковым.

С этой точки никто не посмотрел тогда на предмет, а между тем *эта точка-то* и есть настоящая гуманная, право-с так! [2. С. 304].

Это пример сокращения фразеологического номинатива, зафиксированного в словаре как *точка зрения*.

Впрочем, вам позволительно думать, что я *из видов* заискиваю, тем более что имею дело до вашей сестрицы, сам объявил [2. С. 304].

В данном контексте фразеологический оборот *иметь виды* употреблен без глагольного компонента, что привело и к изменению грамматической структуры ФЕ — употреблению родительного падежа вместо именительного в результате изменения предложно-падежных связей.

Вон Баренц семь лет с мужем прожила, двух детей бросила, разом *отрезала* мужу в письме... [2. С. 385].

Здесь в сокращенном виде употребляется фразеологический оборот *как ножом отрезать*.

Я ровно ничего не подумаю... [2. С. 389].

В речи Лебезятникова представлен усеченный вариант ФЕ *ровным счетом ничего*.

Из приведенных примеров видно, что эллипсис служит созданию эффекта разговорности, поскольку мы слышим взволнованную, торопливую, сбивчивую речь персонажей. Именно эмоции, переполняющие героев, их обиды, объяснения, требующие лаконичности, заставляют автора прибегать к такому приему, как сокращение состава ФЕ. Распознать трансформированный фразеологический оборот в речи нам помогают интонация, жесты, мимика, передающие информацию. Узнавание эллиптированной ФЕ возможно, благодаря тому, что ФЕ имеют глобальное неразложимое значение, не равное ни одному из компонентов, ни сумме их значений. Поэтому и при опущении компонента ФЕ сохраняет свое значение и узнается нами.

Вероятно, что сокращенные фразеологические нормативы появляются также в результате желания автора избежать ненужных повторов и разъяснений, тем более что подобные ФЕ не несут стилистической и смысловой нагрузки, являясь явлением чисто речевого характера.

Прием расширения лексического состава ФЕ автор использует значительно чаще, чем прием сокращения лексического состава ФЕ.

Проведенный анализ ТФЕ показал, что их художественные функции в романе очень разнообразны. Трансформированные обороты служат средством рече-

вой характеристики персонажей, а также средством выражения иронии. Кроме того, ТФЕ могут служить средством создания композиционного единства текста и его фрагментов, обеспечивая целостное восприятие художественного произведения. Это связано с художественной функцией обобщения трансформированных оборотов.

Функции трансформированных оборотов на уровне отдельного высказывания более конкретны. Трансформации вносят новые оттенки значения в семантику оборота и усиливают экспрессию ФЕ, преобразуя внутренний образ фразеологизма.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Архангельский В.Л.* Методы фразеологического исследования в отечественном языкознании // Вопросы лексики и фразеологии совр. русс. яз. — Р.-на-Д., 1968. — С. 75—96.
- [2] *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. — Л., 1974.
- [3] *Козырева Л.Ф.* Некоторые виды трансформаций устойчивых фраз // Вопросы общего и романогерманского языкознания. Вып. 2. — Уфа, 1965. — С. 67—69.
- [4] Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.И. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. — Изд. 2-е стереотипн. — М.: Сов. энциклопедия.

LITERATURA

- [1] *Arhangel'skiy V.L.* Metodi fraseologicheskogo issledovaniya v otechestvennom yazikoznaniy // Voprosi leksiki i fraseologii sovr. russ. yaz. — R.-na-D., 1968. — S. 75—96.
- [2] *Dostoevskiy F.M.* Prestupleniye i nakazaniye. — L., 1974.
- [3] *Kozireva L.F.* Nekotorie vidi transformatsiy ustoichivich fraz // Voprosi obschego I romanoger-manskogo yazikoznaniya. Vip. 2. — Ufa, 1965. — S. 67—69.
- [4] *Fraseologicheskii slovar russkogo yazika / Sost. L.I. Voinova, V.P. Gukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov; pod red. A.I. Molotkova.* — 2-ye ster. — M.: Sov. Inziklopediya. — 543 s.

THE WAYS OF TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE NOVEL F.M. DOSTOEVSKY'S «CRIME AND PUNISHMENT»

N.A. Semenova

Department of Russian language № 4
the Department of Russian language and General educational disciplines
Peoples' Friendship University of Russian
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 119607

This article examines the ways of transformation of phraseological units in the novel F.M. Dostoevsky's "Crime and punishment". Analyzes the transformed function of phraseological units in the text of the novel.

Key words: phraseological units, literary text, transformation, methods of transformation, functions.